

**Современная отечественная историография внешней
политики России и международных отношений в конце
XIX – начале XX вв.**

Приветствуя участников III Научных чтений памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина, хотелось бы прежде всего подчеркнуть, что это – традиционная для МГУ им. М.В. Ломоносова форма отдать дань памяти учёному. Она позволяет, с одной стороны, ещё раз обратиться к его научному наследию, а, с другой – постараться выявить то новое, что сделано в тех областях знания, в которых он плодотворно трудился.

Одно из таких направлений – история международных отношений конца XIX – начала XX веков. Собственные исследования Валерия Ивановича по этой проблематике относятся к тому периоду отечественной историографии, когда уже были опубликованы многие документы, но шли интенсивные поиски в архивах и активно осмысливался вводимый в научный оборот материал.

Период, которому посвящено моё сегодняшнее выступление – с начала 90-х годов XX в. до сего дня. Любая периодизация отличается известной условностью; в данном случае выбор нижней грани объясняется теми переменами, которые произошли в нашей стране и отразились, в частности, в смене названия одного из ведущих исторических журналов. Со второго номера 1992 г. он стал называться не «История СССР» как прежде, а «Отечественная история».

Критериев при оценке историографии того или иного периода может быть несколько. Три из них, на мой взгляд, имеют важное зна-

чение: изменения в источниковой базе исследований; изменения в проблематике; изменения в теоретико-методологических подходах. Постараюсь кратко сказать об основных тенденциях в этих аспектах.

Как известно, практически сразу после окончания Первой мировой войны на полях сражений началась новая – в тиши научных кабинетов и архивных хранилищ. Она получила в историографии название «войны при помощи дипломатических документов». Публикации появились как в стане держав Тройственного союза, так и Тройственного соглашения. По меткому замечанию английского историка А. Дж.Тейлора, ни одно из правительств не станет оплачивать публикации многотомных документов из бескорыстной любви к науке. Ни бескорыстия, ни академического интереса и не было: правительство каждой из держав ставило целью найти виновного и возложить на него ответственность за развязывание войны.

Следует отметить, что, по признанию специалистов, отечественная публикация «Международные отношения эпохи империализма» (МОЭИ) при всех её недостатках была наиболее основательной и добросовестной. Именно она составила тот прочный фундамент, на котором В.И. Бовыкин построил своё исследование «Из истории возникновения Первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912 – 1914 гг.», дополнив источниковую базу монографии собственными находками в архивах МИД, Военного и Морского министерств.

Валерий Иванович придавал огромное значение введению в научный оборот первоисточников. Достаточно напомнить о подготовленной под его руководством его ученицей д.и.н. И.А. Дьяконовой публикации «Дневника» товарища министра иностранных дел гр. В.Н. Ламздорфа.

К сожалению, публикация МОЭИ осталась незавершённой из-за начала Второй мировой войны. Новое издание дипломатических документов из отечественных архивов – «Внешняя политика России»,

начатое в 1960 г., доведено ныне лишь до 1830 г. – вышел 17-й том. Оно, видимо, тоже останется незавершённым, вновь подтвердив тезис Тейлора.

Иные приоритеты нынешней эпохи, отсутствие нормального финансирования отечественной науки со стороны государства и, как следствие, недостаточное количество специалистов для такой масштабной работы привели к тому, что публикаторская работа децентрализована. Под грифом МИД РФ за последние десять лет вышло несколько сборников документов, относящихся к периоду конца XIX – начала XX вв. Но в них освещены отношения России со странами находившимися в указанное время на периферии её интересов. Это: «Россия и Куба», «Россия и Сиам», «Россия и Венесуэла», «Россия в Святой земле» и др.

Ведётся работа по изданию документов и в Российской Академии наук по согласованию с МИД РФ как группами специалистов, так и индивидуально. Так, вышли сборники документов: «Россия и Африка. Документы и материалы XVIII в. – 1960 г. Т. 1-2» (М ИА РАН. 1999), «Англо-бурская война 1899 – 1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев» (М. ИА РАН. 2001), «Коренные интересы России глазами её государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация» (М. ИРИ РАН. 2004).

Публикуются также отдельные документы в различных исторических журналах. С сожалением приходится констатировать, что иногда уровень этих публикаций оставляет желать лучшего: комментирование документов и их археографическая обработка во многих случаях уступают лучшим прежним образцам. Вообще культура работы с историческими источниками во многом утрачивается. Некоторые начинающие исследователи (даже выпускники МГУ им. М.В. Ломоносова) обнаружив в архиве копию или отпуск какого-либо документа,

торопятся заявить об открытии, не подозревая, что документ уже опубликован.

Круг проблем, привлекающий исследователей внешней политики России и международных отношений в конце XIX – начале XX вв. в последнее время до известной степени расширился. Но по-прежнему в центре внимания оставались Первая мировая война и Русско-японская война 1904 – 1905 гг., хотя интерес к ним зачастую связан с «юбилейным синдромом», и после того, как соответствующая годовщина отмечена, количество публикаций по теме сразу сокращается.

Не обойдён вниманием связанный с историей обеих войн и вопрос о Черноморских проливах – здесь появились индивидуальные и коллективные монографии основанные на новых архивных материалах. Из общих работ следует назвать коллективную монографию «Россия и Черноморские проливы. XVIII – XX столетия.» (М. ИРИ РАН. 1999); Однако мнения исследователей об удельном весе этой проблемы во внешней политике России заметно разнятся.

Возрос интерес к тесно связанным с внешней политикой Российской империи вопросам о её подготовке в военном отношении как в области сухопутных, так и морских вооружений. Из недавно вышедших значимых работ, посвящённых этим сюжетам, назову прежде всего очерки «Россия: международное положение и военный потенциал» (М. ИРИ РАН. 1999), подготовленные сотрудниками ИРИ РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Института военной истории МО.

Появилась и крупная обобщающая работа подготовленная большим коллективом историков под руководством члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова «История внешней политики России (конец XV в. – 1917 г.) в пяти томах (М. Международные отношения. 1997 – 1999).

Среди проблем, не привлекавших прежде или мало привлекавших внимание исследователей, необходимо назвать такие, как: роль и деятельность секретных служб (прежде всего речь идёт о военной раз-

ведке); психология масс и человек на войне; геополитические факторы во внешней политике России. Только что вышел из печати сборник статей, подготовленный в ИРИ РАН к 100-летию со дня рождения академика А.Л. Нарочницкого «Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI - начало XX века» (М., Наука. 2007). Наконец, своеобразный бум, я бы даже сказала ренессанс в последние 15 лет переживала тематика, связанная с династией Романовых и особенно с ролью во внешней политике империи и подготовкой к войне последнего Российского самодержца Николая II.

В целом сильно возрос интерес к роли личности в истории. Касаясь последнего, отмечу, что отчётливо замечается тенденция смещения акцентов с исследования общих закономерностей к частным проявлениям, выдвижение на первый план индивидуального. Показательно в этом отношении изменение названия одной из рубрик в журнале «Вопросы истории»: до 1998 г. она называлась «Факты. События. Люди», теперь – «Люди. События. Факты».

Советских историков ныне модно упрекать в игнорировании роли личности в истории. Применительно в В.И. Бовыкину такой упрек совершенно не приемлем. Нынче пишутся многостраничные описания, чтобы выяснить, например, был ли А.П. Извольский министром реформатором или неудачником, а Валерий Иванович сумел дать чёткую и ёмкую характеристику всего на одной странице! При тогдашнем лимите на бумагу ему удалось создать яркий и запоминающийся портрет этого деятеля. «Как политик Извольский был недостаточно дальновиден, как дипломат недостаточно проницателен. Именно в этом кроется причина тех неудач, которые ему впоследствии пришлось испытать на посту министра иностранных дел. Но он был энергичен, ловок и для достижения поставленной цели не особенно стеснялся в средствах... Он умел ладить и с аристократическим окружением царя, и с буржуазными кругами. Недостающий ему посольский

оклад он дополнял доходами, полученными от спекуляции ценными бумагами, играя на парижской бирже при посредничестве Русско-Азиатского банка» (Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России М., 1960. С. 60).

Отдельно следует коснуться изучения Первой мировой войны, проблемы, привлекавшей пристальное внимание В.И. Бовыкина. Отмечу, что ныне о значительном интересе исследователей к этой проблеме свидетельствует факт учреждения в начале 90-х годов XX в. «Ассоциации историков Первой мировой войны», которую были изданы книги: «Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории» и «Первая мировая война. Пролог XX века». Однако, по мнению рецензентов этих сборников, бросается в глаза их «предельное до простоты тематическое и методологическое разнообразие».

Авторы статей пытались внести коррективы в прежние оценки: 1) характера войны – отказавшись от её определения только как империалистической; 2) её причин и целей участников – подчёркивая роль национальных проблем и психологического фактора; 3) роли России – выведя её из когорты инициаторов конфликта, но при этом отказавшись считать её младшим партнёром в Антанте; 4) поставили, по их мнению, точку в споре вокруг «заговора двора» и сепаратных переговоров о мире.

Вместе с тем, общие выводы звучат не слишком оптимистично. Было констатировано два основных положения: 1) целостной концепции истории Первой мировой войны у нас всё ещё не существует, как не существует и общепризнанной оценки участия в ней России; 2) война оставила вопросы, на которые едва ли когда либо будет получен удовлетворяющий всех ответ. К тому же осталось много не решённых вопросов. Среди них такие: Как согласуется утверждение о неизбежности войны с концепцией «многовариантности» исторического развития? Какой иной вариант был возможен? Появились и сомнитель-

ные утверждения. Например, такие: у России не было серьёзных оснований для вступления в войну.

В значительной степени такой разнотой мнений связан, видимо, с известным кризисом в исторической науке. О том, что такой кризис есть, заговорили ещё в конце 80-х гг. XX в. В начале 90-х, по мнению специалистов, доминировали восторги по поводу наконец-то обрётённого в российской науке плюрализма мнений, и как грибы после дождя возникали «новые» теории. В середине 90-х отечественными историками констатировалось почти полное согласие в том, что кризис есть, и они задавались вопросом как его преодолеть. Одним из возможных вариантов назывался теоретико-методологический синтез формационного подхода и цивилизационной теории. В последнее время приходит осознание того, что плюрализм необходимое, но отнюдь не достаточное условие развития науки.

Надежда на возможность скорого синтеза основополагающих принципов пока сомнительна. Не менее рьяно, чем в своё время псевдо марксист Покровский развенчивал царизм, нынешние псевдо демократы стремятся дискредитировать всё то, что было сделано до них.

Положительно хотя бы то, что специалисты приходят к констатации отсутствия оснований для прежних преувеличения достижений западных авторов в области освещения истории Первой мировой войны. Оказалось, что западная историография вовсе не свободна от односторонности и тенденциозных оценок.

Пока не ясно, как скоро будет преодолён этот кризис в отечественной историографии. Но несомненно то, что историки, занимающиеся проблемами внешней политики России и международных отношений в конце XIX – начале XX вв. по прежнему будут обращаться к трудам Валерия Ивановича Бовыкина, поскольку качественно выполненные исследования имеют непреходящее значение.